

Услышав крик Бай Маньэр, Сун Чжи вздрогнул. Он резко вскочил, опрокинув стопку книг, которые с глухим стуком рассыпались по полу.

Сун Чжи бросился к выходу, но в последний момент замер — ему, мужчине, не пристало врываться в покои девушки. Вместо него на помощь поспешила Сю-нянь. Спустя минуту она вышла, выглядя встревоженной, но спокойной.

— Не волнуйтесь, молодой господин, ничего страшного не случилось, — негромко произнесла она. — Просто чья-то злая шутка. Кто-то подбросил в спальню Маньэр тряпичную куклу, измазанную кровью.

Крик переполошил всю округу. Соседи один за другим выходили на улицу, желая узнать, что стряслось. Бай Ачжу пришлось объясняться с каждым, то и дело извиняясь за беспокойство.

Смерть Бай Чуньло наступила меньше двух месяцев назад, но Сун Чжи, глядя на Бай Ачжу, едва узнавал её — она словно постарела на десять лет. Лицо, и прежде желтоватое, теперь отливало болезненной восковой бледностью, она прищурилась. В ней не осталось жизни; даже когда она говорила, её взгляд был безжизненным.

Гибель мужа подкосила её окончательно.

Последние два года Бай Ачжу, у которой не было сыновей, относилась к Сун Чжи с материнской нежностью. Если в доме была миска мяса, она непременно делила её пополам и приносила ему. Видя её в таком состоянии, Сун Чжи чувствовал, как сжимается сердце.

Проводив любопытных соседей, Бай Ачжу уже собиралась войти в дом, как вдруг заметила застывшего у порога Сун Чжи. Она помедлила, обернулась и выдавила слабую, вымученную улыбку:

— Возвращайся к себе, Лань-гэер. С Маньэр всё в порядке, не стоило так беспокоиться.

У Сун Чжи защипало в носу.

— Тётя Бай, если вам что-то понадобится, только скажите. Не пытайтесь нести всё на своих плечах. Маньэр лишилась отца, она не может потерять ещё и мать.

Женщина кивнула:

— Спасибо тебе. Я знаю.

Сю-нянь не придавала происшествию большого значения, сочтя это глупой выходкой, но на душе у Сун Чжи было беспокойно. Он слишком хорошо понимал смысл этого послания. Кукла в

крови была предупреждением от Мэн Хуаня.

Но почему? Зачем ему так сдался именно он? В Поднебесной полно ученых мужей, способных преподавать основы ханьской грамоты. Неужели всё это затеяно лишь ради того, чтобы лишний раз унижить его?

Как бы то ни было, три дня спустя, следуя требованию офицера Мэна, Сун Чжи покинул дом на рассвете и направился в сторону квартала Тайпин.

Тайпин располагался вдоль берега Золотой реки. Путь от его родного квартала Даньгуй лежал через мост Хайцзы и озеро Цзишуйтань — по сути, нужно было пересечь половину Даду. Дорога была долгой и изнурительной.

К поместью Мэн Хуаня он добрался лишь к часу дракона. Солнце уже поднялось над крышами, но осеннее светило девятого месяца не грело. В слабом ветерке чувствовалось дыхание приближающейся зимы. Тонкий силуэт Сун Чжи отбрасывал длинную тень на чистые, тщательно подметённые плиты мостовой.

Поместье Мэн Хуаня поражало своим величием. По обе стороны от ворот застыли каменные львы — суровые и торжественные, они внушали безотчетный страх, отражая ледяной нрав своего хозяина.

Ворота были распахнуты настежь. У входа застыли стражники — рослые, плечистые монголы.

Сун Чжи украдкой вытер вспотевшие ладони о полы халата. Он понимал: как только он переступит этот порог, его жизнь изменится навсегда. Все его попытки отстоять независимость, все усилия, что он прилагал после ухода из дома Чжан Хуэя, обернулись прахом. И самое горькое — Сю-нянь не должна была ни о чём догадаться.

"Пожалуй, я куда трусливее её", — с горечью подумал Сун Чжи.

— Эй, парень! Чего ты там ошиваешься? — один из стражников-монголов уже давно приметил юношу, чей вороватый и растерянный взгляд вызвал у него подозрение.

Сун Чжи закусил губу, подошел ближе и вежливо поклонился, сложив руки:

— Почтенный брат, я прибыл по приглашению офицера Мэна, чтобы обучать его ханьской грамоте. Прошу вас, доложите о моём приходе.

Монгол окинул его оценивающим взглядом и усмехнулся:

— А, так это ты. Господин распорядился пропустить тебя сразу. В докладе нет нужды. Входи.

— Благодарю, — Сун Чжи еще раз поклонился, подобрал полы халата и поднялся по каменным ступеням.

В переднем дворе его встретил высокий, сухощавый монгольский юноша. Он смерил гостя презрительным взглядом.

— Ты и есть Сун Цзилань?

— Он самый, — ответил Сун Чжи.

— Меня зовут Цино, я служу молодому господину с малых лет. Мне велено встретить тебя. Иди за мной.

Цино не стал ждать ответа. Вскинув голову, он стремительно зашагал вглубь поместья. Сун Чжи, и без того утомленный долгой дорогой, с трудом поспевал за ним, задыхаясь от быстрого шага.

Наконец Цино замер перед одной из дверей.

— Пришли.

Сун Чжи вытер пот со лба и перевел дыхание.

— Благодарю.

Цино оглянулся и, увидев, как жалок этот ханец, запыхавшийся после обычной прогулки, лишь сильнее скривился от отвращения. Сдержав едкое замечание, он крикнул в сторону комнаты:

— Молодой господин, Сун Цзилань прибыл.

Вскоре из-за дверей раздался ровный, властный голос Мэн Хуаня:

— Пусть войдет.

Цино распахнул дверь и кивком указал внутрь:

— Ступай.

Сун Чжи сделал два глубоких вдоха, стараясь унять дрожь и привести себя в порядок, после чего переступил порог.

Миновав вестибюль и обойдя тяжелую ширму, на которой золотыми нитями были вышиты львы и тигры, он увидел Мэн Хуаня.

Мэн Хуань был облачен в роскошный монгольский халат из темно-синего бархата и парчи. Отвороты ворота и манжеты украшал изысканный темный узор, а серебряная пряжка пояса с тонкой резьбой в виде жимолости притягивала взгляд. К поясу был подвешен тёмно-красный кошелек-бизэда.

Хозяин дома стоял у стола. Левая рука была заложена за спину, а в правой он держал кисть, занеся её над бумагой. Черные пряди волос мягко спадали на плечи.

Услышав шаги, Мэн Хуань даже не поднял головы.

— Подойди, — холодно бросил он.

Сун Чжи оглянулся — Цино уже закрыл дверь и остался снаружи.

"В конце концов, это просто уроки письма, — успокаивал себя Сун Чжи. — Неужели я не справлюсь?"

Он решительно подошел к столу. Мэн Хуань отложил кисть, поднял лист, осторожно сдувая лишние чернила, и спокойно заговорил:

— Мой отец, господин Макритай, презирал конфуцианство, и я никогда не утруждал себя его изучением. Однако Его Величество и в особенности Наследный принц весьма ценят ханьскую ученость.

Сун Чжи взглянул на лист. Иероглифы Мэн Хуаня были... посредственными. Ему стало любопытно, что же этот монгол на самом деле думает о классических канонах.

Мэн Хуань небрежно сложил бумагу.

— Я презираю ханьцев, — отрезал он, и в его голосе не было и тени сомнения. — В особенности таких, как ты: упрямых, зашоренных и немощных. Ты слаб и хрупок, словно женщина.

Он коротким, резким движением разорвал лист в клочья.

— Все ваши правила, все эти рассуждения о небесных истинах и этике — пустая болтовня. А стихи и оды и вовсе лишены смысла. Сколько бы вы ни читали своих книг, на поле боя вы не стоите и ломаного гроша. Мне хватит одного удара, чтобы отправить любого из вас к праотцам.

Мэн Хуань вскинул взгляд на Сун Чжи:

— Чего уставился? Не согласен?

Сун Чжи понимал, что спорить с таким человеком бесполезно, но жгучая ярость уже вскипала в груди, перехватывая дыхание. Он тяжело выдохнул и, не отводя взгляда, процедил сквозь зубы:

— Если наше учение бесполезно, зачем же вы звали меня?

Мэн Хуань лишь одарил его взглядом, полным такого неприкрытого презрения, что слова были излишни. Сун Цзилань был готов разразиться проклятиями, но воспитание Сю-нянь взяло верх. Он лишь горько усмехнулся:

—... Пусть толку в нас мало, но это всё же лучше, чем быть дикарями. Вы живете по законам степи, не ведаете чести, не чтите приличий и не знаете иного права, кроме права силы...

Он не успел договорить. Мэн Хуань молниеносным движением вцепился ему в горло.

Сила монгола была устрашающей. Он почти оторвал Сун Чжи от пола одной рукой. Юноша мгновенно побагровел, на висках и шее вздулись жилы. Он пытался что-то сказать, но лишь хрипел.

Сун Чжи вцепился в запястье офицера, но его усилия были тщетны — он был подобен агнцу в когтях хищника. И всё же в его глазах, полных боли, не было и тени мольбы о пощаде.

Мэн Хуань ждал, когда этот гордец сломается, но даже на пороге смерти тот оставался кремнем.

В последний момент, когда Сун Чжи уже начал терять сознание, офицер разжал пальцы. Юноша рухнул на колени, содрогаясь в приступе мучительного кашля. Из глаз невольно брызнули слезы.

Мэн Хуань неторопливо вытер руку шелковым платком.

— Неужели я был слишком мягок, раз ты счел меня добряком? — негромко спросил он.

Сун Чжи не слышал — он жадно хватал ртом воздух, пытаясь унять пожар в легких.

— Отвечай, — голос офицера стал ниже, в нем отчетливо зазвучала угроза.

Сун Чжи опустил голову, осторожно касаясь саднящей шеи, на которой уже проступали багровые пятна.

—... Не смею так думать, — выдавил он наконец.

Мэн Хуань бросил на него короткий взгляд, достал с полки свиток по военному искусству и сел в кресло.

— Раз уж ты оказался в моем доме, следи за своим языком. Дерзость не сделает тебя героем, она лишь сведет тебя в могилу.

Юноша не поднимал глаз:

— Да... Я понял.

— Вставай, — распорядился Мэн Хуань. — Убери здесь.

Он указал на обрывки бумаги, разбросанные по полу. Сун Чжи молча поднялся и принялся собирать клочки, стараясь не смотреть на хозяина кабинета, который уже погрузился в чтение.

Никаких наставлений, никаких заданий. Его вызвали обучать грамоте, но вместо урока обрушили поток оскорблений. Сун Чжи не знал, что ему делать дальше, но уйти не решался — он просто замер в стороне, опустив руки и ожидая распоряжений.

Казалось, Мэн Хуань забыл о его существовании. Он перелистывал страницы с такой скоростью, что Сун Чжи усомнился, успевает ли тот вообще разбирать иероглифы. Офицер словно почувствовал его сомнение.

— Я читал этот трактат не меньше десяти раз, — произнес он, не отрываясь от свитка. — Знаю его почти наизусть.

Сун Чжи промолчал.

— Разве в вашем «Лунь юе» не сказано: «Повторяй старое и узнаешь новое»? — Мэн Хуань поднял глаза.

Кожа ханца была очень бледной, и на ней страшными пятнами горели следы пальцев. Тонкая шея казалась такой хрупкой, будто могла переломиться.

Мэн Хуань достал откуда-то флакон с мазью и бросил его юноше.

— Смажь это. Глаза мозолит.

Сун Чжи поймал флакон. Не видя раны, он наугад нанес лекарство и хотел было вернуть мазь, но Мэн Хуань не шевельнулся.

— Оставь себе. Я не беру назад вещи, которыми пользовались другие.

Сун Чжи хотел было отказаться, но побоялся гнева монгола и просто спрятал флакон за пазуху.

— Хозяин дарует лекарство, а ты и слова благодарности не найдешь? — холодно бросил Мэн Хуань.

Сун Чжи стиснул зубы. Он почувствовал резкую боль в горле, но заставил себя заговорить:

— Благодарю господина за милость.

Мэн Хуань лишь небрежно махнул рукой:

— Цино уже подготовил для тебя комнату. Ты живешь слишком далеко, ездить туда-сюда — пустая трата времени. Отныне ты будешь жить здесь. В квартал Даньгуй возвращаться не нужно.

Сун Чжи похолодел.

— Но как же так... — от волнения он снова закашлялся.

Мэн Хуань поморщился, глядя на него с нескрываемым отвращением, как на захудалого чахоточного больного.

— Хватит споров. Я сказал — ты остаешься. Если переживаешь за домашних, я пришлю человека известить их.

Это было последнее, чего хотел Сун Чжи. Если он не вернется, Сю-нянь заподозрит неладное, и тогда всё пропало. Он отчаянно пытался возразить, но голос пропал, сменившись хрипом.

Мэн Хуань вздохнул, теряя терпение, и указал на бумагу и кисть:

— Пиши.

<http://bllate.org/book/17487/1693447>